

Если бы это происходило через несколько десятилетий, такое поведение вызвало бы крики о хулиганстве на улице, не говоря уже о времени после строгих репрессий.

Один из главных участников ушёл, и все взгляды переключились между Ван Пинпин и Лю Чуньхуа, ожидая, чем закончится этот спектакль.

— Мама, — раздался детский голос, — папа сказал, чтобы ты вернулась домой.

Мальчик, дрожа, с трудом пробирался сквозь толпу, подошёл к Лю Чуньхуа и, не поднимая головы, произнёс эти слова.

Тун Чжунши был уже не маленьким, и он понимал, что его мама совершила плохой поступок, оклеветав маму Тун Цяня.

Вспоминая, как Тун Цянь дарил ему петарды на Новый год, и как тётя Ван Пинпин иногда угощала его рисовыми шариками и сладостями, Тун Чжунши чувствовал себя ещё более виноватым.

Увидев, что сын даёт ей возможность уйти, Лю Чуньхуа должна была воспользоваться этим, но его слова разожгли в ней давно подавляемую зависть.

Вернуться домой?

Ах ты, Тун Вэйминь, даже в такой момент защищаешь эту женщину, Ван Пинпин!

— Я не уйду!

Она усмехнулась, не отрывая взгляда от Ван Пинпин.

Тун Чжунши запаниковал, потянул её за руку, умоляя:

— Мама, давай вернёмся домой!

Но, увидев выражение лица матери, он испугался.

Сейчас зеркала не было, и Лю Чуньхуа не видела себя, но окружающие видели всё ясно.

Лю Чуньхуа никогда не отличалась красотой, а её лицо, покрытое морщинами, и полное ненависти выражение глаз делали её похожей на сумасшедшую.

Она сошла с ума!

Жители деревни шептались, сравнивая её с Ван Пинпин, которая, несмотря на гнев, сохраняла достоинство.

Как они могли поверить словам Лю Чуньхуа?

Посмотрите на Ван Пинпин: дети у неё послушные, бизнес идёт хорошо, она добра и щедра, в отличие от скупой и скандальной Лю Чуньхуа!

Лю Чуньхуа сделала два шага вперёд.

— Раз уж вы решили облить меня грязью, давайте сегодня всё выясним. Ты, Ван Пинпин, разве не ведёшь себя неподобающе, флиртуя со всеми подряд?

Она оглядывалась, надеясь, что те, кто раньше поддерживал её в клевете на Ван Пинпин, выступят и заставят её подчиниться общественному мнению.

Зависть лишила Лю Чуньхуа рассудка, но остальные не были глупы.

Одна из женщин, на которую она посмотрела, поспешно нашла предлог уйти:

— Ой, уже поздно, мне нужно домой готовить ужин, чтобы дети не остались голодными.

Сегодня, на глазах у всех, Лю Чуньхуа и вдова Чжао были разоблачены, и те, кто распространял слухи, начали нервничать.

Увидев, что кто-то уходит, остальные последовали за ним, и толпа, которая только что собралась посмотреть на спектакль, начала расходиться.

В этот момент Ван Пинпин заговорила:

— Лю Чуньхуа, я называю тебя невесткой не потому, что ты заслуживаешь уважения, а из-за уважения к твоему мужу. Поэтому я могу простить прошлое, но если я ещё раз услышу такие слова, будь то суд или тюрьма, я, Ван Пинпин, не позволю тебе уйти от ответственности!

Услышав это, жители деревни сначала облегчённо вздохнули, а затем напряглись.

Хорошо, что Ван Пинпин не стала преследовать, Лю Чуньхуа чуть не довела её до смерти! Больше нельзя слушать эту сумасшедшую женщину!

Сказав это, Ван Пинпин повернулась и ушла.

Тун Цянь, хоть и не хотел уходить, был вынужден последовать за ней, ведомый Чжоу Миньянем.

Он догнал маму, внимательно посмотрел на неё и осторожно спросил:

— Мама, ты действительно отпустишь её?

Ван Пинпин остановилась, посмотрела на него и вздохнула:

— Малыш, нужно уметь быть благодарным. Твой дядя Вэйминь много сделал для нашей семьи, и я это помню. Ты тоже должен это запомнить, понял?

Тун Цянь понимал, что эти слова были сказаны не для него, а для жителей деревни.

Я, Ван Пинпин, близка с Тун Вэймином, потому что я благодарна, и благодаря своей щедрости я отпустила Лю Чуньхуа.

Она посмотрела на тех, кто подслушивал поблизости, и в её глазах появилась тревога.

— Просто я не ожидала, что тётя Чуньхуа... Эх, она ведь раньше была не такой...

Тун Цянь оживился и нарочно сказал:

— Мама, может, у тёти Чуньхуа мания преследования?

— Мания преследования? — удивилась Ван Пинпин.

Чжоу Минъянь поддержал:

— Это психическое расстройство. Я читал о нём в книге. Такие люди постоянно думают, что все хотят им навредить, и ведут себя параноидально.

— Именно, — Тун Цянь кивнул так, что казалось, его голова вот-вот отвалится. — В книге описано, что такие пациенты ведут себя точно так же, как тётя Чуньхуа!

Враньё, он понятия не имел, что такое мания преследования, но просто выдумал это на ходу.

— Мания преследования?

Одна из женщин, слышавшая весь разговор, пробормотала это про себя.

Когда они остались одни, Тун Цянь снова спросил:

— Мама, ты действительно не собираешься преследовать её?

Мама так долго страдала от сплетен Лю Чуньхуа, терпела косые взгляды и пересуды, а Лю Чуньхуа ничего не потеряла. Тун Цянь чувствовал, что это несправедливо.

Ван Пинпин ответила:

— Конечно, я хочу преследовать её, но, малыш, слухи распространяются не одним человеком. Если я буду настаивать на наказании Лю Чуньхуа, другие распространители сплетен объединятся и заставят меня отступить. Лучше сейчас показать себя великодушной и изолировать Лю Чуньхуа. Те, кто любит сплетничать за спиной, видя, что их не трогают, расслабятся и начнут винить Лю Чуньхуа. По крайней мере, в глазах других я буду иметь преимущество.

Тун Цянь был поражён.

Неужели это та самая наивная мама, которую он знал? Может, она тоже переродилась?

Увидев его реакцию, Ван Пинпин улыбнулась и сказала детям:

— Не переживайте за меня, вдова Чжао больше не сможет устраивать скандалы. А что касается Лю Чуньхуа, я уверена, что дядя Вэйминь разберётся с этим.

Раньше она никогда бы не рассказала детям о таких тёмных вещах, предпочитая держать их в себе.

Но с тех пор, как Тун Цянь принёс 300 юаней, решив их финансовые проблемы, трое детей начали показывать свою важность в семье.

Ван Пинпин, занимаясь бизнесом, значительно расширила свой кругозор и стала более расчётливой. Она не хотела, чтобы дети слишком рано выросли, но понимала, что им нужно знать о тёмной стороне взрослого мира.

Как она и ожидала, Чжоу Минъянь воспринял её слова спокойно, а Тун Цянь, хоть и удивился, быстро подошёл и начал дурачиться, чтобы поднять ей настроение.

Только Тун Пань'эр стояла в задумчивости, опустив голову.

Слегка успокоившись, Тун Цянь нарочно вёл себя по-детски, шутил и смешил, чтобы мама снова улыбнулась.

Его усилия увенчались успехом, и на лице Ван Пинпин появилась улыбка.

Однако вскоре её сменил гнев.

Когда они вчетвером подошли к дому, они увидели, что дверь открыта, и испугались, что в дом забрался вор.

Вспомнив о продуктах для рисовых шариков, которые лежали дома, и о возможных убытках, Ван Пинпин бросилась внутрь и замерла.

Тун Цянь, едва переведя дыхание, увидел, что в комнате сидит человек с наглым выражением лица. Это был не кто иной, как Тун Вэйлун.

— Что ты здесь делаешь?

В голосе Ван Пинпин звучало отвращение.

Тун Вэйлун ударил по столу, заставив чашки звенеть:

— Это мой дом, почему я не могу здесь быть!

Как этот мерзавец оказался дома?

Тун Цянь тоже был шокирован и обменялся взглядом с Чжоу Минъянем.

Зная Тун Вэйлуна, он понимал, что тот больше всего ценил удовольствия и свою репутацию.

На Новый год, когда его поймали с вдовой Чжао, его не только избили, но и заставили заплатить. Тун Вэйлун, такой горделивый, наверное, мечтал никогда больше не возвращаться.

Но он вернулся.

Это не к добру!

Стоит признать, что Тун Цянь хорошо знал своего отца, потому что его следующая фраза была:

— Ты что, связалась с этими мужчинами?

Он сказал это, глядя на Ван Пинпин с безумными глазами, сжимая кулаки, как будто готов был ударить.

Тун Цянь, боясь, что мама пострадает, инстинктивно встал перед ней.

<http://bllate.org/book/16382/1482646>